

ГЛАВА I

Сначала я размашистыми штрихами набросала на гладкой бумаге лицо молодой женщины. Чем дольше я рисовала, тем более уверенной становилась рука и тем более аккуратными получались угольно-черные мазки. Но тем скептичнее делался мой взгляд.

Прищурив один глаз, я слегка наклонила голову. Что-то было не так, но я не могла понять, что именно. Все пропорции были верны, но портрет все равно казался застывшим и невыразительным.

Вздохнув, я откинула назад длинные черные волосы, скомкала рисунок и начала все сначала. Обычно мне было нетрудно запечатлеть на бумаге черты чье-нибудь лица. Но сегодня мне почему-то не хотелось беречь душу этой женщине. Я опустила взгляд на имя, записанное мной на внутренней стороне блокнота: Мария Вильялобос.

Хотя она была не более чем незнакомкой, я помнила ее лицо. Высокие скулы, прямой нос, чуть изогнутые полные губы. Всякий раз, когда мы встречались, она мне улыбалась. Мне редко кто улыбался. Наверное, поэтому мне и было так трудно писать ее портрет. Так больно запечатлеть улыбку, которой больше нет.

Мои пальцы судорожно сжали кусок угля, а в запястье возникла легкая дрожь. Третий рисунок на этой неделе.

Третий умерший, молодой и здоровый, — и это всего за несколько дней. Смерть, которая не должна была произойти. Каждый умерший и каждая смерть приносили боль, но за последние несколько недель мне пришлось испытать муки, которых я не пожелала бы даже врагам.

— Ты слишком часто бываешь с умершими, Елена де Хесус.

Я подняла глаза и увидела опирающуюся на трость Марисоль, которая наклонилась ко мне и рассматривала рисунок. Длинные белоснежные волосы деревенской ста-

рейшины были заплетены в замысловатую косу, которая спускалась с ее узких плеч и касалась бумаги.

— В конце концов, это моя работа, абуэла¹.

На самом деле Марисоль мне вовсе не бабушка, хотя мне бы хотелось, чтобы это было так. Всякий раз, когда приходилось оплакивать новую смерть, именно она помогала мне копать могилу. Она проводила со мной четыре дня, пока я не могла в соответствии с древними обрядами наконец предать тело земле, и заказывала ярко-оранжевые флор-де-муэрто, чтобы украсить ими место последнего упокоения. Она не оставляла меня одну, пока я хоронила тело за телом, устраивала поминки и украшала надгробия. Пока я делала все, чтобы можно было надеяться на обретение умершими покоя. В деревне, где всегда боялись смерти.

— Перестань называть меня так, де Хесус, — проворчала Марисоль, садясь рядом со мной и прислоняя свою трость к скамейке, которая стояла на краю круглой площади Этерны. Она недовольно посмотрела на меня, возмущенно скрестив руки на груди. — Я сразу кажусь себе очень старой.

Улыбаясь, я наклонилась к ней и прикоснулась губами к ее волосам.

— Больше не буду.

Без предупреждения Марисоль схватила блокнот и вырвала его у меня из рук.

Только я собралась возмутиться, как абуэла прижала мне ко рту узкую ладонь и не дала выговорить ни слова. Когда старейшина увидела мой рисунок, во взгляде у нее мелькнуло разочарование.

— Опять не Альберто.

Она пролиستала все мои портреты в поисках посмертного изображения лица человека, который когда-то разбил ей сердце. А я тем временем изо всех сил пыталась оторвать ее пальцы от своего лица. Она явно была сильнее, чем можно было предположить по ее согнутому от старости телу.

¹ Абуэла (*исп. abuela*) — бабушка. — Здесь и далее, если не указано иное, *примеч. ред.*

— Надеюсь, я еще увижу, как ты рисуешь его мерзкую физиономию.

— У Альберто прекрасное здоровье, — возразила я, покачивая головой, хотя не смогла сдержать улыбку. — Ходят слухи, что он может дожить и до ста, если продолжит так тщательно придерживаться своей фитнес-программы.

В темных глазах абуэлы вдруг мелькнуло такое горькое разочарование, что я чуть не прониклась к ней сочувствием — если бы причиной ее эмоций не было некрасивое желание чьей-то смерти.

— А если мне поставить ему подножку, чтобы он сломал шею во время пробежки? И пусть меня даже за это арестуют. — Она указала на пустую страницу рядом с довольно привлекательным изображением Марии. — Это местечко я для него и зарезервирую.

Она перевела взгляд на мой недавно начатый набросок.

— Кстати, нос тут у Марии слишком большой. Как у носорога. Твои рисунки становятся все более небрежными, де Хесус.

— Я тебя тоже обожаю, абу...

Я успела вовремя пригнуться и поэтому оказалась на безопасном расстоянии от трости старейшины. Усмехнувшись, я отобрала у нее блокнот.

— Ты помнишь, что мне обещала? — внезапно спросила Марисоль.

Я, так и не успев поднести уголь к бумаге, замерла. Хотя прошло почти четыре года с момента этого обещания, я ничего не забыла.

— Конечно, — ответила я, стараясь не встречаться с ней взглядом.

На мгновение воцарилась тишина, а затем она положила пальцы мне под подбородок, заставляя смотреть ей в лицо. Оно было испещрено бесчисленными морщинами, повествующими историю ее долгой жизни. Историю женщины более стойкой, чем любая скала, окаймляющая дикий берег Исла-Мухерес.

— Жизнь состоит не только из заботы о мертвых, Елена.

Только когда Марисоль взяла меня за левую руку, я заметила, что рассеянно массирую запястье.

— Ты слишком много работаешь.

Она отпустила мой подбородок и начала дрожащими пальцами разминать мне наспех перебинтованное запястье. У меня перехватило дыхание. Мне с трудом удалось не опустить взгляд — я не хотела, чтобы она увидела, как сильно меня тронул ее жест.

— И это ради людей, у которых никогда не находится для тебя доброго слова.

Староста деревни замерла, подняла свободную руку и прижала ее мне к груди, туда, где билось сердце. И кончиками пальцев коснулась круглого розового медальона, о содержимом которого знала только она.

— Почему ты это делаешь?

Теперь мне пришлось опять отвести взгляд, чтобы она не увидела, как сильно меня задевает правдивость ее слов.

— В смерти мы все равны, — ответила я, стараясь, чтобы голос у меня звучал как можно спокойнее.

Даже ей я не могла раскрыть истинную причину своей привязанности к мертвым. Наконец я снова на нее посмотрела.

— По крайней мере, так всегда говорил Матео.

Марисоль еще несколько секунд молча и напряженно на меня смотрела, сдвинув брови. Напоследок нежно погладив мое перебинтованное запястье, она достала что-то из висевшей на плече яркой сумки, которую я для нее связала. В узор я включила символ повстанцев из «Звездных войн» — мы со старейшиной давно были фанатками фильма. Сумка хорошо подходила к ее длинной цветастой юбке и такой же яркой вышитой блузке. На свет появился пан дульсе¹.

Несмотря на то что я любила сладкую выпечку, сейчас у меня не было особого аппетита. Вид безжизненного тела Марии был еще слишком ярок в памяти. Но я приняла угощение, потому что мой брат мог съесть выпечки Марисоль сколько угодно. Я передам это Матео после того, как закончу рисовать.

¹ Пан дульсе (*исп.* pan dulce) — буквально: сладкий хлеб; общее название для разнообразной мексиканской выпечки.

— Увы, скоро тебе наверняка придется закапывать еще одну из этих жаб, так что съешь хотя бы один пан дульсе. Если у тебя будет полный желудок, их безжизненные тела не будут так тяжелы для твоей поясницы.

Укладывая выпечку в свой оставшийся с подростковых времен черный рюкзак с Дартом Вейдером, я слегка поморщилась:

— Твое уважение к мертвым просто неподражаемо.

— О, я очень уважаю мертвых. Но только если они заслужили это уважение при жизни. — Марисоль с отвращением взглянула на низкие белоснежные дома, полукругом обрамляющие залитую солнцем площадь Этерны. Она разглядывала деревню, главой которой была более сорока лет.

— Уверю тебя, в мире стало бы намного светлее без этой грязной дыры, де Хесус.

— Может, и так, — ответила я. — Но без солнечного духа наших деревенских старейшин мир был бы намного темнее.

Я кивнула в сторону некогда позолоченного фонтана в центре площади Этерны, где собралась кучка детей. Они скакали среди бесчисленных солнц и лун, выложенных на каменной мостовой рыночной площади.

— Кстати, твой фан-клуб ждет тебя уже полчаса.

Марисоль фыркнула:

— Ты, наверное, хочешь лестью выманить у меня еще немного пан дульсе, а? Типичная де Хесус. Ни перед чем не остановится. — Усмехнувшись, она протянула мне еще одно печенье. — Будь проклято мое чертово великодушие.

Я быстро спрятала в рюкзак и этот пан дульсе, а потом помогла Марисоль подняться со скамейки. Прежде чем повернуться и уйти, она постучала по моему раскрытому блокноту:

— В следующий раз, если я снова не найду нужного мне рисунка Альберто, возьму дело в свои руки.

Словно в подтверждение своей угрозы, она взмахнула тростью и описала ею грозную дугу. Я так и не поняла, меня или Альберто она собиралась отправить в царство мертвых своей клюкой. И на всякий случай решила этого не выяснять.

— Ради тебя я даже раскрашу его портрет, — пообещала я.

В черных как смоль глазах старухи блеснул возбужденный огонек. Похоже, ближайшие несколько дней ангелу-хранителю Альберто лучше поработать сверхурочно.

Наконец Марисоль повернулась и пошла к детям, которые ждали, когда старейшины деревни перенесут их в миры, лежащие за пределами нашей деревни; миры, где обитают народы солнца и луны. В места, которых никогда не было и которые именно поэтому обладали привлекательностью, которой реальность никогда не будет обладать. По крайней мере, на этом проклятом острове.

От чьего-то легкого прикосновения к руке я вздрогнула и увидела рядом маленькую девочку, едва достающую мне до талии. С заплетенными в косу темными вьющимися волосами и в белом воздушном платье. Сияя, она протягивала мне корзинку. Я ласково улыбнулась девчужке и, вытянув указательный, средний и большой пальцы, поднесла левую руку к виску. Потом сжала руку в кулак, оттопырила мизинец, снова убрала его в кулак и, наконец, вытянула под прямым углом большой палец.

— Привет, Иса. — Я кивнула на корзину девочки. — Что там у тебя такое?

Девочка поставила корзину, покопалась в ней и вытащила маленькую связанную крючком зеленовато-красную птичку. Она положила кетцаль¹ мне на колени, взяла меня за руку и погладила птичку моими пальцами.

— Кто-то принес его мне прошлой ночью.

Она улыбнулась мне, оживленно жестикулируя во время рассказа о своей находке.

— Это была ты, Елена?

Я подмигнула ей:

— Конечно нет. Ты же знаешь, что, когда дело доходит до рукоделия, у меня две левые руки. — И подбадривающим кивком указала ей на Марисоль и детей: — Хочешь присесть к ним?

¹ Кетцаль — священная птица древних майя и ацтеков.

Иса покачала головой. В этой девочке было нечто такое, что всегда согревало мне сердце, даже если пальцы у меня ощущали холод от кладбищенской земли. Деревенские дети избегали и боялись меня — девушку, которая бóльшую часть времени проводила среди могил, вся в земле и запахе смерти. Исабель была другой. Она часто составляла мне компанию, пока я рисовала. Иногда и сама пробовала рисовать углем. И через несколько лет я поняла, что эта девочка проникла мне в сердце.

И сейчас она тоже некоторое время наблюдала, как я работаю над портретом Марии. Наконец она призналась, что мечтает в следующее воскресенье найти в своей корзинке игрушечного кролика, и убежала, бережно прижимая к груди вязаную птичку.

Я снова сосредоточилась на рисунке, но поймала себя на том, что постоянно поглядываю на детей, которые завороченно смотрят на шевелящиеся губы Марисоль. В этот момент старейшина рассказывала им о боге Солнца, который вместе с богом Луны создал нашу деревню. Я невольно улыбнулась, слушая легенды, под которые росли и мы с братом.

До того, как мы узнали, кто я такая. До того, как поняли, что жить в деревне бога — это не благословение.

Машинально я открыла чистую страницу блокнота и начала рисовать бога, такого, как описывала Марисоль. Было приятно хоть иногда рисовать не умерших, а кого-то, кого я презирала больше всех на свете.

— Бог Солнца Нанауатль считался самым привлекательным из всех богов, — восторженно сообщила абуэла, поводя рукой в воздухе. — И он был самым бескорыстным. Когда он решил отдать свою жизнь, чтобы подарить людям солнце, говорят, что незадолго до этой жертвы у него на коже появились шрамы в форме полумесяца. Но это делало его только красивее. Его имя будет помниться вечно. Как и его брата Мецтли, который пожертвовал собой после него, чтобы подарить людям луну.

Притом что живым заслужить уважение Марисоль было почти невозможно, бессмертным богам, по-видимому, это удавалось намного легче. Она не знала о моей

неприязни к богам и не поняла бы ее. Если я не открою ей то, что я поклялась всегда хранить при себе.

— Он основал нашу деревню, когда уже стал солнцем? — спросил кудрявый мальчик по имени Эстебан.

— Ты ведь не всерьез спрашиваешь, не так ли, михо?¹ — ответила Марисоль. — С каких это пор солнца основывают деревни?

— Но если он основал ее до этого, то солнца еще не было. Тогда наша деревня должна быть очень древней.

— Так она и выглядит, не правда ли? Ты нигде не найдешь более древней деревни, — сухо заметила деревенская старейшина.

В блокноте я нанесла на лицо шрамы в форме полумесяца, похожие на мои собственные. Сделала брови более густыми, нос более широким. Хотя рисунок все еще напоминал лицо того бога, которого Марисоль изобразила в своем восторженном рассказе, но кое-где оно стало более человеческим и менее совершенным. Я вздохнула и перелистнула страницу назад, к портрету Марии. А то слишком много человечности для проклятого бога.

Когда я снова посмотрела на колодец, то заметила женщину с длинными растрепанными черными волосами. Она стояла немного в стороне от детей и, по-видимому, тоже слушала рассказы Марисоль. Струющаяся ткань ее темно-красного упиля², расшитого желтыми цветами, доходила почти до земли. Во взгляде, пристально устремленном на группу, было что-то тоскливое. А в движениях виделось отчаяние. Мне захотелось отвернуться, потому что я неохотно наблюдала за людьми, которые так явно демонстрировали свои чувства, но тут я встретилась с ней взглядом.

У меня перехватило дыхание. Не веря глазам, я разглядывала женщину, которая была слишком красивой, чтобы

¹ М и х о (мекс. *mijo*) — сынок, сращение двух испанских слов *mi* и *hijo*, что буквально означает «мой сын».

² У и п и л ь (мекс. *huipil*) — традиционная мексиканская блуза или туника из хлопка, украшенная яркой ручной вышивкой.

ее очарование можно было запечатлеть на бумаге. Я посмотрела на рисунок у себя на коленях, чувствуя, что сердце у меня колотится так, что это почти причиняло боль. И наконец решилась.

Я медленно поднялась и подошла к женщине, судорожно сжимая блокнот в мокрых от волнения руках. Наверняка я ошибаюсь, что-то путаю. Другого объяснения всему этому не могло быть. Но чем ближе я подходила к женщине, тем меньше у меня оставалось сомнений, пока наконец их не осталось совсем.

— Мария? — прошептала я, надеясь, что меня никто, кроме нее, не услышит. Не то чтобы это что-то меняло. Вся деревня считала меня сумасшедшей, многие насмехались надо мной и называли ведьмой. Если бы они только знали, насколько они были правы. Если бы они узнали, что среди них живет почитательница смерти, женщина, которая способна видеть мертвых, — они бы меня не просто презирали. Они бы меня убили.

— Ты пришла слишком рано, — сказала я, и голос у меня дрогнул.

Мария слегка склонила голову набок и с любопытством посмотрела на меня, но от ее улыбки, которая меня так восхищала, не осталось и следа.

— Еще не время, — добавила я, когда она ничего не ответила.

Я все время посматривала на абуэлу и детей. До сих пор, похоже, никто не замечал, что я растерянно стою на краю площади. Поскольку большая часть жителей в это время суток погружалась в послеобеденный сон, чтобы укрыться от безжалостных лучей солнца, за мной никто больше не наблюдал. Чтобы унять дрожь в ногах, я прислонилась к каменному фасаду дома, пытаюсь привести мысли в порядок.

Внезапно Мария протянула руку. Проклятье. Я машинально потянулась к плетеному поясу своего длинного желтого платья в поисках связки флор-де-муэрто. Но вдруг поняла, что сейчас у меня не было с собой этих отпугивающих мертвецов цветов. Я всегда прикрепляла их

к одежде только утром в последний день октября, чтобы быть готовой к началу Диа-де-лос-Муэртос. А сейчас было только начало сентября.

Я поспешно попыталась увернуться, но было слишком поздно. Сильная боль пронзила руку в месте прикосновения пальцев Марии. Она посмотрела на набросок своего лица, и ее милые черты мучительно исказились.

Мне был знаком этот взгляд: я много раз наблюдала, как приходит душераздирающее осознание того, кем вы когда-то были и что вы потеряли в результате смерти. Ведь, разрушая тело и останавливая сердце, смерть не крадет воспоминания.

Я стиснула зубы, сдерживая боль и борясь с тем, что жгло глубже, чем любое прикосновение и чем самый болезненный укол. В последний раз я попыталась отдернуть руку. Но это было бесполезно. И мне ничего не оставалось, кроме как зажмурить глаза, надеясь, что это произойдет быстро. И умершей не придется долго страдать.

Когда покалывание в руке у меня утихло, я осторожно приоткрыла глаза. Какая-то маленькая и наивная часть меня надеялась, что на этот раз все будет по-другому, что соприкосновение жизни и смерти не будет иметь последствий. В то же время я знала, что надежде нет места там, где может победить только смерть.

Я была права. Мария исчезла. Ее душа не будет искать Миктлан — царство мертвых. Она не завершит свое четырехлетнее путешествие по подземному миру в поисках вечного покоя. Потому что души Марии больше не существовало. Адмиралоры называли это «ла Сегунда Муэрте», потому что мертвые в каком-то смысле умирали во второй раз, как только прикасались к живым. Если первая смерть поглощала тело, вторая смерть уничтожала душу.

Тяжело дыша, я снова прислонилась к стене дома, ощущая спиной прохладу шершавой каменной поверхности. А потом посмотрела туда, где на моей оливковой коже появилась новая кроваво-красная полоса в форме полумесяца. Она присоединилась к бесчисленному множеству других украшавших мое тело шрамов. В основном они были на верхних частях рук и немного на кистях. Раньше мне